В Диссертационный совет ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»
119571, г. Москва, проспект Вернадского, д.82

ОТЗЫВ

официального оппонента
по диссертации Герасименко Юлии Андреевны
«Правовые нормы-оговорки в российском законодательстве» по специальности 5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки, представленную на соискание ученой степени кандидата юридических наук, выполненную в Южно-Российском институте управления – филиале Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

Актуальность темы диссертационного исследования. Актуальность темы диссертационного исследования Ю.А. Герасименко не вызывает сомнений и может быть обоснована через несколько взаимосвязанных сюжетных линий: теоретическую, практическую, социально-экономическую и правоприменительную, каждая из которых раскрывает многогранную значимость поднятой проблематики для современной юридической науки и правовой реальности России.

Теоретическая актуальность продиктована тем, что, несмотря на широкое распространение норм-оговорок во всех без исключения отраслях действующего российского законодательства, в отечественной доктрине они

до сих пор преимущественно рассматривались лишь как технико-юридические приемы, лингвистические конструкции или производные элементы специальных норм, но не как самостоятельная, полноценная разновидность правовых предписаний. Фрагментарные исследования, предпринимавшиеся в разное время И.Д. Шутаком, М.Л. Давыдовой, А.Г. Репьевым, С.Ю. Суменковым, Р.С. Кашанским и рядом других ученых, не сформировали единой концептуальной основы, раскрывающей сущность норм-оговорок, их место в системе правовых норм, критерии классификации и закономерности функционирования. Отсутствие теоретических оснований для квалификации норм-оговорок ведет к методологической неопределенности при их интерпретации, что, в свою очередь, порождает риски правовых ошибок и коллизий в правоприменительной практике. Более того, феномен норм-оговорок находится на стыке сразу нескольких фундаментальных категорий юридической науки – специальных норм, оценочных понятий, юридических презумпций, коллизионных норм, технико-юридических средств, – и до настоящего времени не получил междисциплинарного осмысления, что создает объективную потребность в теоретическом исследовании их правовой природы, функционального назначения и технико-юридических закономерностей как самостоятельной разновидности правовых норм.

Практическая актуальность обусловлена многочисленными дефектами, возникающими на стыке нормотворчества и правоприменения при использовании норм-оговорок. Как справедливо отмечает соискатель, неоднозначное толкование оговорочных конструкций с оценочными категориями («уважительные причины», «исключительные обстоятельства», «существенные нарушения») порождает устойчивые юридические коллизии и снижает предсказуемость судебных решений. Анализ судебной практики, представленный в диссертации, выявляет диаметрально противоположные подходы судов общей юрисдикции к интерпретации одних и тех же оговорочных конструкций на протяжении ряда лет, что подрывает

единообразие правоприменения и доверие граждан к правовой системе. Не менее остро стоит проблема латентных норм-оговорок – уточнений, закрепленных без использования традиционных лексических сигнализаторов («если иное не предусмотрено», «в исключительных случаях» и др.). Подобное технико-юридическое решение затрудняет системное толкование норм, создает риски их противоречивого применения и, что особенно важно, содержит в себе значительный коррупциогенный потенциал, поскольку расширяет дискреционные полномочия правоприменителя без установления четких ориентиров для его реализации. В условиях, когда эффективность правового регулирования напрямую зависит от точности и определенности нормативных предписаний, разработка методологии интерпретации и реализации норм-оговорок приобретает особую практическую значимость.

Социально-экономическое измерение проблемы проявляется в том, что данная разновидность правового предписания выступает в качестве инструмента обеспечения гибкости правового регулирования в условиях нестабильной внешнеполитической и экономической конъюнктуры. В период беспрецедентного санкционного давления на российскую экономику, необходимости оперативной адаптации законодательства к меняющимся условиям и проведения масштабных структурных преобразований нормы-оговорки становятся важным средством достижения баланса между стабильностью правовой системы и ее адаптивностью. Вышеизложенное демонстрирует потенциал норм-оговорок как механизма «точечной настройки» законодательства без его полной переработки, что особенно ценно в условиях ограниченных ресурсов правотворческой деятельности. Более того, нормы-оговорки выступают инструментом реализации конституционных ценностей: через конструкции «при наличии исключительных личных обстоятельств» или «уважительных причин» обеспечивается гуманизация правоприменения, учитывающая индивидуальные особенности участников правоотношений. Особую значимость это приобретает в контексте принятия и реализации нормативных

правовых актов, направленных на поддержку участников специальной военной операции и членов их семей, где нормы-оговорки позволяют оперативно дифференцировать правовые режимы с учетом конкретных жизненных обстоятельств. В условиях, когда качество жизни граждан напрямую зависит от эффективности правового регулирования, совершенствование механизма норм-оговорок приобретает не только юридическое, но и социально-экономическое измерение, способствуя повышению адресности правовой политики и укреплению социальной справедливости.

Правоприменительная актуальность связана с устойчивой тенденцией к усложнению структуры российского законодательства, обусловленной динамикой общественных отношений, трансформацией экономических процессов и необходимостью адаптации правовой системы к вызовам цифровой эпохи. Органы правотворчества все чаще прибегают к использованию специальных инструментов правового регулирования, среди которых особое место занимают нормы-оговорки. При этом их количество прогрессирует с каждым днем: только в Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях содержится более 500 норм-оговорок с лексемой «за исключением», более 200 – с лексемой «в случае, если», а в Налоговом кодексе отдельные статьи содержат по шесть и более оговорок, последовательно дополняющих и корректирующих основное правовое предписание. Подобная практика, однако, развивается в условиях отсутствия системного научного осмысления данного феномена, что создает объективную потребность не только в теоретическом исследовании, но и в выработке практических рекомендаций по совершенствованию технико-юридического оформления оговорок, алгоритмов их интерпретации и внедрению инструментов мониторинга правоприменения, способных своевременно выявлять и устранять дефекты нормотворчества.

Таким образом, актуальность темы исследования определяется ее комплексным характером, охватывающим фундаментальные проблемы

теории права, насущные задачи нормотворческой и правоприменительной практики, а также стратегические приоритеты государственной правовой политики в условиях трансформации российской правовой системы.

Ю.А. Герасименко предприняла смелую, своевременную, и, следует признать, весьма удачную попытку общетеоретического исследования такого многогранного феномена, как правовая норма-оговорка. Новаторство работы заключается не только в обращении к недостаточно исследованному явлению, но и в проявлении глубокого системного подхода, позволившего изучить взаимосвязь норм-оговорок с иными правовыми феноменами: специальными нормами, оценочными понятиями, юридическими презумпциями и технико-юридическими средствами.

Ознакомление с работой позволяет прийти к положительному выводу о наличии безусловной *научной новизны в результатах исследования*. Выносимые на защиту основные положения состоятельны, должным образом аргументированы и опираются значительный массив нормативного и эмпирического материала.

В качестве объекта диссертационного исследования автор верно определил совокупность юридически значимых общественных отношений, возникновение и развитие которых обусловлено созданием и реализацией правовых норм-оговорок. Предметом работы выступают сами нормы-оговорки как разновидность специальных правовых установлений. Такое разграничение является классическим и методологически выверенным.

Методологическая основа исследования соответствует характеру и задачам работы. Диссертант использует комплекс методов: общенаучные (диалектический, системного анализа), частнонаучные (формально-юридический, сравнительно-правовой, историко-правовой), а также статистический и информационно-аналитический методы. Особо следует отметить применение исторического метода, позволившего проследить генезис норм-оговорок от архаичных лексических конструкций «аже», «аче

будетъ» в Русской Правде до сложных многоярусных конструкций в современном бюджетном и налоговом законодательстве (стр. 8 и др.).

Теоретическая основа диссертации базируется на фундаментальных трудах отечественных ученых в сфере философии, теории права и юридической техники (Н.Г. Александрова, С.С. Алексеева, М.И. Байтина, А.Ф. Черданцева, И.Н. Сенякина и др.). Автор не просто цитирует классиков, но и вступает с ними в научную дискуссию, что свидетельствует о высоком уровне правовой культуры соискателя.

Структура диссертации логически выверена и соответствует поставленным целям. Работа состоит из введения, двух глав, включающих шесть параграфов, заключения и списка использованных источников.

В первой главе «Общетеоретическая характеристика правовых норм-оговорок в российском законодательстве» (стр. 22-101) диссертант последовательно и глубоко раскрывает сущность исследуемого феномена. В параграфе 1.1 автор проводит профессиональный семантический и юридический анализ термина «оговорка», справедливо критикуя бытовавшее в науке (в частности, в работах И.Д. Шутака) понимание оговорки исключительно как условия изменения нормы или создания нового правового режима. Ю.А. Герасименко убедительно доказывает, что норма-оговорка не противопоставляется основному правилу, а выступает акцессорным элементом, развивающим и уточняющим его содержание (стр. 22-57). Предложенное авторское определение правовой нормы-оговорки как разновидности нормативного предписания, закрепляющего изъятия и дополнения путем установления связи узкого предписания с базовой нормой, является концептуально выверенным и может быть использовано в учебном процессе.

В параграфе 1.2 диссертант раскрывает функциональную характеристику норм-оговорок (стр. 58-80). Импонирует выделение двенадцати функций, среди которых особо стоит отметить функцию

демонстрации юридической силы принципов права, компенсационную функцию и функцию устранения юридических коллизий. Автор не без оснований подчеркивает, что нормы-оговорки обеспечивают совмещение явно-выраженной стороны объективного права и его чувственной, рефлексивной составляющей, активируя механизмы интерпретации на основе принципов разумности и добросовестности.

Параграф 1.3 посвящен классификации норм-оговорок (стр. 81-101). Предложенная автором система из тринадцати критериев (по целям, содержательной составляющей, методу регулирования, степени определенности и др.) является наиболее полной из ныне имеющихся в юридической литературе. Особого внимания заслуживает выделение латентных норм-оговорок и норм-оговорок экспериментального свойства, что демонстрирует глубокое понимание соискателем современных тенденций правотворчества.

Вторая глава «Норма-оговорка как средство повышения качества законодательства и правоприменительной деятельности» имеет ярко выраженную практическую направленность. В параграфе 2.1 автор анализирует технико-юридические приемы закрепления норм-оговорок. Диссертант обоснованно указывает на недопустимость использования «мертвых» отсылок и чрезмерного нагромождения оговорок, нарушающих принцип монолитности нормативного установления (стр. 125).

Параграф 2.2 посвящен дефектам интерпретации и реализации. Здесь соискатель выявляет прямую корреляцию между неверным толкованием норм-оговорок и возникновением юридических коллизий. Анализ судебной практики по делам о признании работы сезонной, о предоставлении отсрочки от призыва на военную службу, о дискриминации при назначении дополнительного материального обеспечения, показывает, как абстрактность оговорок порождает правовые ошибки (стр. 144-158).

Параграф 2.3 содержит наиболее ценные с практической точки зрения предложения. Идея внедрения «точечного мониторинга правоприменения»

как самостоятельной разновидности оценки эффективности конкретных конструкций нормативных правовых актов является безусловной новеллой исследования. Предложение внести изменения в Методику осуществления мониторинга правоприменения в РФ (утв. постановлением Правительства РФ от 19.08.2011 № 694) свидетельствует о высокой степени прикладной зрелости диссертанта (стр. 159-180).

Источниковая база исследования является обширной и разнообразной. Общий список источников и литературы включает более 420 наименований, что свидетельствует о колоссальной трудоемкости проделанной работы. Особо стоит отметить, что диссертант оперирует самыми свежими нормативными правовыми актами, включая редакции 2025 и 2026 годов, что подтверждает непрерывный характер мониторинга законодательства.

Положительной оценки заслуживает апробация результатов исследования. Основные положения докладывались на международных и всероссийских конференциях, а 13 публикаций автора (7 из которых в рецензируемых изданиях ВАК при Минобрнаки России) подтверждают интерес научного сообщества к поднятой проблематике.

Вместе с тем, при высокой научной ценности работы, следует отметить ряд дискуссионных положений и недостатков, которые могут стать предметом научной дискуссии и расширить спектр дальнейших исследований.

Во-первых, в диссертации утверждается, что норма-оговорка обладает всеми признаками правовой нормы, включая структуру, состоящую из гипотезы, диспозиции и санкции. Однако диссертант не дает четкого ответа на вопрос о том, как конструируется санкция в диспозитивных нормах-оговорках (например, «если иное не предусмотрено договором»). Если санкция здесь выражена бланкетным способом и отсылает к иным актам, то является ли она элементом именно нормы-оговорки, или же она заимствуется из основной нормы? Уточнение юридической природы санкции в

акцессорных конструкциях могло бы придать теоретической модели большую завершенность.

Во-вторых, автор справедливо критикует латентные нормы-оговорки, скрытые в тексте закона без лексем-сигнализаторов, относя их к дефектам юридической техники. Однако в ряде случаев латентность оговорки является не техническим просчетом, а результатом осознанного политико-правового компромисса при принятии закона, позволяющего сгладить противоречия между субъектами правотворчества. Представляется, что было бы целесообразно разграничивать латентные оговорки как «технико-юридические дефекты» и как «инструменты политического консенсуса», поскольку механизмы их преодоления в правоприменительной практике будут различными.

В-третьих, в методологии исследования заявлено использование статистического метода для подтверждения количественной характеристики распространенности норм-оговорок. Однако в тексте диссертации мы не видим «эпидемиологической карты» или хотя бы сравнительного количественного анализа плотности норм-оговорок в различных отраслях права (например, в Налоговом кодексе РФ против Гражданского кодекса РФ). Приведение конкретных статистических данных о динамике роста или снижения количества оговорок в кодифицированных актах за последние 10 лет существенно усилило бы эмпирическую базу и доказательность тезиса об усложнении структуры законодательства.

В-четвертых, диссертант проводит параллели между внутригосударственными нормами-оговорками и оговорками в международном праве (например, оговоркой о публичном порядке). Вместе с тем, в международном праве оговорка модифицирует обязательства государства перед другими субъектами, тогда как в национальном праве норма-оговорка модифицирует правила поведения для частных лиц или органов власти. Концептуальное разграничение онтологической природы

этих явлений, несмотря на лексическое сходство, требует дополнительного теоретического осмысления, чтобы избежать терминологической эклектики.

В-пятых, предложение о введении «точечного мониторинга правоприменения» безусловно заслуживает поддержки. Однако возникает вопрос о его соотношении с существующими процедурами антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов. Поскольку автор сам указывает на коррупциогенный потенциал абстрактных норм-оговорок, было бы логично предложить алгоритм интеграции точечного мониторинга в процедуры антикоррупционной экспертизы на стадии подготовки законопроектов, а не только на стадии post-factum анализа правоприменения.

Отдельные редакционные погрешности и неудачные выражения, встречающиеся в тексте (например, использование автором местоимения «мы» в некоторых параграфах вместо безличных конструкций, принятых в современной академической стилистике), не умаляют общего высокого положительного уровня исследования.

Диссертация Герасименко Юлии Андреевны является самостоятельным и завершенным научным исследованием, имеющим существенную научную новизну, теоретическую и практическую значимость.

Разработанная автором концепция правовой нормы-оговорки вносит весомый вклад в развитие общей теории права, юридической техники и теории правотворчества. Предложенные рекомендации по совершенствованию технико-юридического оформления оговорок, алгоритмы их интерпретации и внедрению точечного мониторинга обладают высоким потенциалом для использования в законотворческой деятельности органов государственной власти, в работе судов и прокуратуры, а также в образовательном процессе при подготовке юристов.

Тема, план и содержание диссертации соответствуют научной специальности 5.1.1. (Теоретико-исторические правовые науки).

Автореферат полностью соответствует содержанию диссертации, в нем изложены основные идеи, выводы и вклад соискателя в разработку темы.

Вышеизложенное позволяет сделать вывод о том, что диссертация Герасименко Юлии Андреевны «Правовые нормы-оговорки в российском законодательстве», является научно-квалификационной работой, в которой содержится решение задачи, имеющей важное значение для развития юридической науки и практики, что соответствует требованиям Положения о присуждении ученых степеней, утвержденного Постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 года № 842 и Порядка присуждения ученой степени кандидата наук, ученой степени доктора наук в Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, утвержденного приказом ректора ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации» (в редакции приказа от 30 апреля 2025 года № 02-763, приказ об изм. № 02-1313 от 10.07.2025; приказ об изм. 02-1794 от 17.09.2025; приказ об изм. № 02-01364/001 от 01.07.2026 г.).

Герасименко Юлия Андреевна вполне заслуживает присуждения ей искомой ученой степени кандидата юридических наук по специальности 5.1.1. (Теоретико-исторические правовые науки).

Официальный оппонент –
Помощник начальника по инновационному развитию
научной деятельности ФГКОУ ВО
«Нижегородская академия МВД России»,
доктор юридических наук, профессор,
Заслуженный деятель науки Российской Федерации»,
Заслуженный юрист Нижегородской области,
президент Нижегородского исследовательского научно-прикладного центра
«Юридическая техника»

Владимир Михайлович Баранов

«30» сентября 2026 года

Подлинность подписи
Баранова В.М.
удостоверяю
Заместитель начальника отдела кадров
Нижегородской академии МВД России
О.Ю. Лифеева

Сведения об официальном оппоненте:
Баранов Владимир Михайлович
Почтовый адрес: 603950, г. Нижний Новгород
ул. Анкудиновское шоссе, д. 3
Служебный телефон: +7 (831) 421-72-72
Адрес электронной почты: baranov_prof@bk.ru
Наименование организации: Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования «Нижегородская академия МВД России»
Должность: помощник начальника по инновационному развитию научной деятельности
Официальный сайт Нижегородской академии МВД России: www.na@mvd.ru.